

УДК 930.1+159.953.+111

ГРНТИ 03.01.06+15.21.41+02.15.21

О возможности исторической ответственности в свете поиска онтологических оснований для нейронаучного подхода к исследованиям памяти
On the Possibility of the Historical Responsibility in the Light of Research of the Ontological Foundations for the Neuroscientific Approach to the Studies of Memory

*Козырева Ольга Александровна,
Аспирант 1 года обучения кафедры истории философии и философии образования
ФГАОУ ВО Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
olgakozyreva@mail.ru*

Аннотация

Идея исторической ответственности преимущественно может рассматриваться в рамках традиционного представления о памяти как о способности удерживать, воспроизводить информацию и действовать на основании некоего прошлого опыта. Однако закрепившееся в повседневности представление о памяти трансформируется под влиянием современной нейронауки: о памяти все больше говорят в категориях воображения, конструирования, избирательности, переосмысляются отношения между запоминанием и забыванием. В качестве региональной онтологии для нейронаучного подхода предлагается проект трансцендентального эмпиризма Ж. Делеза. Такое условно названное неклассическим представление о памяти ставит под сомнение не только традиционную идею истории, но и понятие исторической ответственности, так как творческий характер памяти не позволяет с уверенностью утверждать что-либо о прошлом.

Abstract

The idea of the historical responsibility can mainly be considered within traditional approach to the notion of memory, that is, the special ability to retain, recall some information, and act on the basis of a past experience. However modern neuroscience transforms the ordinary conception of memory: researchers have started increasingly to discuss the memory in the terms of imagination, constructing, selectivity, and the relations between the processes of remembering and forgetting are

being revised. The project of transcendental empiricism of G. Deleuze is proposed as a regional ontology for the neuroscientific approach. This conception of memory which is conditionally called non-classical conception questions not only the traditional idea of history, but also the concept of historical responsibility by postulating the creative nature of memory that makes it difficult to be sure about what happened in the past.

Ключевые слова: память, историческая ответственность, Делез, история, нейрофилософия.

Keywords: memory, historical responsibility, Deleuze, history, neurophilosophy.

Развернутое толкование понятия исторической ответственности в современной философской литературе найти сложно. Ввиду крайней проблематичности и дискуссионного характера самого феномена исторической ответственности трудно понять, какими могли бы быть онтологические основания его исследования. Опираясь на следующее определение исторической ответственности как «специфических отношений с прошлым и/или будущим, присущих индивиду, но чаще – какой-либо общности, связанных с вменением вины, признанием заслуг или принятием обязательств (как добровольным, так и нет), имеющих важное значение для иной общности и/или индивида, а также влияющих на характер взаимодействий между данными индивидами и/или общностями» [5, 23], мы предлагаем обратиться к исследованию феномена памяти, так как сама идея отношений между индивидами и общностями в исторической перспективе может возникнуть только на основании присущей индивидам способности удержания настоящего.

Однако исследование памяти в биологическом контексте с неизбежностью предшествует любому другому исследованию памяти. Индивидуальная способность к накоплению опыта связана, прежде всего, с образованием нейронных связей в головном мозге. Предполагается, что социальная память носит иной характер, так как различные культурные практики, институты и традиции не обладают нейронными субстратами в мозге-социуме, а существует самостоятельно в некоем отдельном пространстве социальности. Но, несмотря на это, прежде чем заводить разговор о какой-либо социальной памяти, необходимо, чтобы у каждого члена социума имелась определенная биологическая память.

Во многих психологических словарях можно обнаружить традиционные определения памяти. Вот одно из них: «Память (англ. memory) – запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта» [3, 332]. Согласно такому определению, память всегда связана с действительностью, которая наличествовала в прошлом по отношению к

настоящему моменту времени. Некий опыт, переживаемый индивидом, закрепляется на уровне нейронных связей в мозге и становится доступным для дальнейшего использования уже в отсутствии некогда переживаемых событий. По сути, память – это огромное хранилище испытанного индивидом опыта, располагаемое на материальном субстрате.

Не останавливаясь на различных классификациях памяти, укажем на то, что, будучи когнитивным процессом, память подвержена искажениям, а ее антиподом обычно выступает забвение. Как правило, забвение рассматривают в качестве ухудшения функционирования памяти, ее ослабления, и против него ведется своеобразная борьба с целью сохранить функционирование памяти в полном объеме – т.е. удержать максимально большое количество пережитого опыта с минимальными искажениями. Последние в рамках традиционного подхода к памяти воспринимаются как фантазии, сконструированные воображением индивида и никогда не имевшие места в реальности, но выдаваемые за действительно произошедшие в прошлом события. Иными словами, искажения памяти представляют собой феномен ложных воспоминаний.

Однако такой классический подход к памяти в течение последних десятилетий подвергается переосмыслению. Обзор относительно новых подходов в области когнитивных наук, настаивающих на конструктивной природе памяти, подробно представлен в статье, размещенной в Стэнфордской онлайн-энциклопедии по философии [7].

В рамках данной статьи мы бы хотели остановиться на недавнем исследовании, проведенном британскими нейрочеными, в результате которого они выдвинули следующую гипотезу: в формировании памяти помимо возбуждающих нейронов участвуют и тормозящие нейроны, которые подавляют электрическую активность в мозге, вызванную первым типом нейронов [6, 199]. Когда индивид обучается какому-либо действию или выучивает нечто новое, на нейронном уровне происходит образование связей между возбуждающими нейронами. Эти связи собственно и представляют собой то, что мы называем воспоминаниями или памятью.

Но дело в том, что при образовании новых связей нарушается баланс мозга, без восстановления которого процесс запоминания не сможет окончиться. Именно поэтому необходима параллельная работа тормозящих нейронов (в виде анти-воспоминаний), которые подавляют возросшую в результате начавшегося процесса формирования запоминаний электрическую активность в мозге. В итоге анти-воспоминания стабилизируют баланс мозга, позволяют воспоминаниям не смешиваться между собой, сохраняться на длительное время и не дают развиваться социальным и когнитивным нарушениям, связанным с нарушением этого баланса. Феномен памяти не был бы возможен, если бы не анти-память, не анти-воспоминания.

Стоит отдельно указать на то, что анти-воспоминания (или тормозящие нейроны) не имеют отношения к процессу забывания. Более того, забывание также получает новую интерпретацию: теперь оно ассоциируется с «засыпанием», с затуханием интенсивности полученного опыта, а не с его полным уничтожением, как считалось ранее. Ученые даже предполагают, что снижение количества процессов торможения в коре головного мозга (т.е. уменьшение количества тормозящих нейронов) может привести к «просыпанию» воспоминаний, к их актуализации и осознанию индивидом. Однако уверенности в том, что подобная актуализация события является в полной мере адекватной этому событию в прошлом, нет: «уснувшая» часть информации о событии достраивается, исходя из актуального момента времени, а не является запоздалым воспроизведением.

Какими могли бы быть философские основания описанного выше нейронаучного подхода к исследованию памяти? Ответ на этот вопрос мы предлагаем искать в проекте трансцендентального эмпиризма Ж. Делеза. Конечно, конструирование региональной онтологии для нейронауки не предполагает прямого использования его философских построений для решения научных задач, и вряд ли сами нейроченные близко знакомы с работами французского мыслителя. В данном случае речь идет о том, чтобы обнаружить методологические основания возможного рассмотрения реальности сквозь призму исследований мозга и сведения проблемы субъективности (личности, идентичности, сознания) к изучению процессов в мозге.

Онтология события Делеза хорошо ложится в основание нейронаучных исследований. Однако прежде чем показать, как именно это происходит, следует объяснить, в чем состоит суть эмпиризма, приправленного трансцендентализмом.

Наиболее развернутое объяснение идеи трансцендентального принципа у Делеза можно обнаружить в его работе, посвященной анализу феноменов мазохизма и садизма в литературном пространстве: «Принципом, прежде всего, называют то, что управляет какой-то областью; в этом случае речь идет об эмпирическом принципе или законе. <...> Но совсем другое дело – вопрос о том, что именно подчиняет данную область принципу. Следует найти принцип иного рода, принцип второго порядка, который объяснил бы необходимость подчинения области эмпирическому принципу. Именно этот второй принцип и называют трансцендентальным» [1, 292]. В процитированном нами пассаже и кроется ответ на то, что же такое трансцендентальный эмпиризм: это эмпиризм, осознающий недостаточность собственных принципов и стремящийся отыскать условия возможности их функционирования в опытной реальности.

В рамках данной статьи мы не будем углубляться в содержательные аспекты историко-философской реконструкции системы Делеза, однако отметим, что роль трансцендентального

принципа в ней выполняет принцип Различия, покоящийся по ту сторону качественных эмпирических различий. Так, когда мы пытаемся обнаружить основания происходящих в мире вещей, мы ищем причинно-следственные связи между ними и выводим законы; но обоснования именно таких эмпирических законов мы обнаружить не способны, и это приводит нас либо к регрессу в бесконечность, либо к признанию бессосновности любых эмпирических принципов. Делез выбирает последний вариант и утверждает, что принцип Различия расположен в ином измерении бытия, нежели его различные эмпирические характеристики, фиксируемые научным исследованием.

Нейронаука тоже идет по пути трансцендентального исследования, но такого трансцендентального исследования, которое признает наличие эмпирических законов на уровне материальной реальности. Иначе, нейронаука представляет собой систему трансцендентального эмпиризма. По отношению к проблеме памяти такой неклассический подход обращается к поиску ее условий возможности: анти-воспоминания, по сути, и являются условием возможности накопления и сохранения воспоминаний, т.е. образования памяти в широком смысле слова. Для того чтобы запоминать новое и сохранять базовую информацию, необходимо высвобождение ресурса под эти действия, получаемое посредством постоянного выведения в «спящий режим» либо деталей прошлых событий, либо этих событий целиком. Возможная последующая актуализация одних событий всегда сопряжена с «затуханием» других событий и носит творческий характер, так как представляет собой достраивание упущенных деталей.

Тогда если мы допускаем, что индивидуальная память ближе к конструированию событий, нежели к их воспроизведению, то почему бы не распространить это допущение и на память социальную. В таком случае история как дисциплина, состоящая в описании прошлого, которое возникает в результате функционирования памяти, может существовать лишь в режиме рассказа. Несмотря на то, что фактологические данные (даты, места, имена), скорее всего, будут фиксированы, принципиальная множественность рассказов не устранима. История, понятая как рассказ, сближается с литературной практикой, с творчеством, в поле которого понятие объективности во многом утрачивает свои позиции.

Невозможно с точностью установить и объективность самого прошлого. Индивидуальное прошлое именно *создается* памятью, оно не дано и не предзадано. Избирательность индивидуальной памяти, затухание восприятий, их последующая, порой внезапная, актуализация, наличие феномена ложных воспоминаний заставляет поставить под вопрос даже факт существования прошлого опыта, в наличии которого мы в повседневном мире стойко убеждены. Даже ведущим подходом к решению вопроса о тождестве личности или самоидентичности является т.н. психологический подход, согласно которому тождество

устанавливается на основании непрерывного опыта осознания себя, в основании которого лежит функционирование механизма памяти. Интересные рассуждения по поводу роли памяти, психологического подхода к тождеству личности, а также противоположного ему – соматического подхода – можно найти в статье Д.Н. Разеева [4].

Таким образом, если память не столько связана с адекватным отражением прошлого, сколько с его конструированием, достраиванием и перестраиванием, то методологическим основанием для истории становится отрицание ее единственности и объективности. Традиционное представление об истории как единой телеологической линии развития и соответствующего ей максимально адекватного описания с неизбежностью сменяется осознанием того, что история – рассказ, который претендовать на господство среди множества других рассказов может только на основании некоторых прагматических допущений, но никак не на основании его истинности.

Мы могли бы предположить, что социальная память, наоборот, преодолевает субъективность памяти индивидуальной, биологической по своему происхождению, и представляет объективную картину истории взаимодействий индивидов между собой – однако для того, чтобы осуществить такое предположение, требуется методологическое допущение иного характера, а именно: постулирование самостоятельности этих двух видов памяти.

Нейронаука такого допущения не делает, и в этом отношении она вновь «следует» за Делезом. Здесь показательной является его работа, посвященная эмпирической философии Д. Юма. В ней он отмечает, что «природа достигает своих *целей* только с помощью *средств* культуры, а тенденция удовлетворяется только через институт. Именно в этом смысле история – часть человеческой природы. И наоборот, природа обнаруживается как осадок истории» [2, с. 36]. Подобное отсутствие разграничения на природные явления и социальные позволяет нейронауке все чаще и чаще обращаться к исследованиям феноменов в таких областях знания, которые традиционно под ее юрисдикцию не попадали: этика, экономика, менеджмент и т.д.

Но в предложенном нами контексте вопрос об исторической ответственности остается буквально парящим в воздухе. Для того чтобы говорить об ответственности за прошлое и будущее, необходимо точно знать, что имеются неизменные причинно-следственные связи между событиями в разных временных измерениях. Но если прошлое как таковое создается памятью каждого индивида и не имеет объективного характера, то оснований для введения в пространство философской рефлексии понятия исторической ответственности не наблюдается. Его онтологическая незначительность (а может быть, даже фиктивность) напрямую вытекает из нейронаучной парадигмы исследования реальности, приматом в которой обладает мозг и происходящие в нем процессы.

Литература:

1. Делез Ж. Представление Захер-Мазоха / Ж. Делез // Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делез. Представление Захер-Мазоха. З. Фрейд. Работы о мазохизме / пер. с нем. и франц. – Москва: РИК «Культура», 1992. – 380 с.
2. Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму / Ж. Делез Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с франц. – Москва : ПЕР СЭ, 2001. – 480 с.
3. Зинченко Т. П. Память // Большой психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2002. – 772 с.
4. Разеев Д. Н. Ложные воспоминания и тождество личности [Электронный ресурс] / Д.Н. Разеев // Вопросы философии. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1075&Itemid=52 (дата обращения: 10.09.2016).
5. Томильцева Д. А. Феномен исторической ответственности: аспекты проблематизации / Д.А. Томильцева // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – Екатеринбург, 2015. – Т. 143, №3. С. 23-35.
6. Barron H. C. et al. Unmasking Latent Inhibitory Connections in Human Cortex to Reveal Dormant Cortical Memories. / H. C. Barron et al. // Neuron, 2016. Vol. 90, Issue 1. Pp. 191-203.
7. Sutton J. Memory [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2016 Edition) / ed. by E. N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/memory/> (дата обращения: 10.09.2016).